

## СТОЛЕТИЕ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г. (статья вторая)

И. И. АНТОНОВИЧ<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Институт социально-политических исследований Российской академии наук,  
ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333, г. Москва, Россия

Обосновывается тезис о том, что ленинское революционное наследие было узурпировано и растрчено представителями политической верхушки, у которых личные интересы сохранения власти преобладали над защитой целей революции. Показано, что И. В. Сталин победил Л. Д. Троцкого во внутрифракционной борьбе, выдвинув идею строительства социализма в одной конкретной стране. Ее поддержала в основном вся партийная масса, так как идея продолжения мировой революции, исповедуемая троцкистами, отторгалась населением, измученным Гражданской войной и революционными преобразованиями. Главная мысль исследования этих процессов состоит в том, что насильственное устранение противников brutальными методами подорвало жизнеспособность государственных и общественных институтов. Делается вывод о том, что социально-историческая порча общественной системы и сознания так и не была преодолена, что и предопределило трагический исход перестройки и конец величайшего исторического эксперимента по созданию общества социальной справедливости.

**Ключевые слова:** мировая революция; строительство социализма; перестройка.

## ONE HUNDREDTH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN REVOLUTIONS OF 1917 (second article)

I. I. ANTONOVICH<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Institution of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences,  
Fotievoi Street, 6, building 1, 119333, Moscow, Russia

It is the authors intention to prove that Lenins revolutionary heritage was usurped and squandered by the people who stayed at the apex of political power, but whose personal interests of keeping it outweighed 5 the tasks of the defense of the goals of the revolution. It is the authors conviction that Stalin gained the upper hand over Trotsky when he put forward the idea of the victory of socialism. It was supported by the majority of the members of the bolshevik party members because the idea of the continuation of the world revolution, that was the aim of trotskists was rejected by the population exhausted by the civil war and the revolutionary that social and historical damage upheavals. It is the authors conclusion that social and historical damage having penetrated social system and consciousness, has not been overcome and that had tragic consequences which resulted in the tragic fate of the perestroika and preordained the end of the greatest historical experiment to create the social justice society.

**Key words:** world revolution; the creation of socialism; perestroika.

Стихия Февральской революции быстро исчерпала себя. Громоздкая и авторитарная вертикаль имперской власти, погрузившая страну в жесткий административный режим и полицейский про-

извол, пережив ряд потрясений в двух столицах, во многом сохранилась в российской глубинке и даже научилась кое-где сотрудничать с Советами рабочих, крестьянских и солдатских депута-

### Образец цитирования:

Антонович И. И. Столетие русских революций 1917 г. (статья вторая) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 41–51.

### For citation:

Antonovich I. I. One hundredth anniversary of the Russian revolutions of 1917 (second article). *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 41–51 (in Russ.).

### Автор:

Иван Иванович Антонович – доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

### Author:

Ivan Antonovich, doctor of science (philosophy), full professor; principal researcher.  
iantonovich@mail.ru

тов. Губернаторы, земство быстро приспособились к демократической риторике, научились не воспринимать ее всерьез. Им почему-то казалось, что социальные неурядицы – дело имперских столиц Петрограда и Москвы и все как-то само собой успокоится. Земства только забрасывали центральные органы просьбами прислать казаков для умирения крестьянских волнений. Им казалось, что казацкая нагайка сделает свое дело и все вернется на круги своя. Они не ожидали грядущих социальных катаклизмов, ибо не понимали, что потеря организованности и дисциплины в условиях мировой войны по своим последствиям намного опаснее для государства и общества, чем даже военное поражение. Ситуация радикализовала рабочий класс Петрограда, многонациональный по своему составу. Питерские рабочие (преимущественно поляки, выходцы из Прибалтики, финны, а позднее китайцы) составляли в 1917 г. почти 16 % от общего числа питерского пролетариата. Пролетарии столицы к тому же отличались сравнительно высоким образовательным уровнем: число грамотных среди рабочих достигало 88 %, среди работниц – 56 %.

Большая часть полумиллионной рабочей армии Петрограда не была объединена профсоюзами. Семьи рабочих страдали от голода и холода, несмотря на рост расценок за работу в военное время. К 1917 г. реальная заработная плата большинства рабочих страны составляла не более 77–78 % от довоенного уровня. Дело, впрочем, даже не в материальном положении, которое продолжало ухудшаться, а в том оцепенении и страхе, которые испытывали рабочие и их семьи от распада страны, грядущего хаоса, который может положить конец историческому существованию России.

Эти времена и настроения прекрасно понял и уловил вернувшийся из эмиграции В. И. Ленин. Он сразу же нацелил большевистскую партию на немедленную подготовку к захвату власти. Многие из нынешних исследователей биографии В. И. Ленина, революционных событий 1917 г., строительства советской власти в условиях после Гражданской войны откровенно и сознательно фальсифицируют личность этого политического деятеля, представляя его кровожадным индивидом, жаждущим исключительно личной власти.

От внимания этих горе-исследователей ускользает главное в личности В. И. Ленина: он был человеком идеи, революционером по определению, подчинившим свою жизнь именно задаче освобождения России от феодально-монархического абсолютизма, раскрепощения трудового народа России и строительства государства нового социалистического типа. Власть в этих условиях была для него лишь средством достижения целей. Личными выгодами, соображениями престижа или корыстными интересами членов своей партии В. И. Ленин не руководствовался никогда.

Это был человек долга. И первый в истории мыслитель, оказавшийся способным реализовать на практике свою идейную систему. Его революционная риторика, которую характеризуют слова «повесить», «расстрелять», «обращаться пожестче, потверже» (причем повесить он обещал даже своего ближайшего соратника А. В. Луначарского), говорила лишь о темпераменте и обостренной реакции на ситуацию. О своей смерти он говорил спокойно, ведь и его могут «укокошить». Ленинские излишества, безусловно, диктовались колоссальным нервным напряжением в революционной ситуации. Это была дань радикализму эпохи, и она ни в коей мере не выражала личной склонности и предпочтений В. И. Ленина. Эпоху он чувствовал остро, реагировал на нее всегда адекватно, не колеблясь, меняя стратегию и тактику в зависимости от реальных социально-исторических условий.

Революция, как неумолимая схватка классов, требовала жесткости, а часто – и безжалостности к побежденному врагу. Такова логика всех революций. Жалость считалась безусловным проявлением слабости и могла моментально привести к гибели революции. В. И. Ленин этого допустить не мог. Крайне трагические обстоятельства его действий всегда были продиктованы необходимостью защиты революционных завоеваний. У него хватило силы ответить на террор террором.

Во время своего приезда в Петербург в апреле 1917 г. он хорошо знал, что делать. И был едва ли не единственным как в тогдашнем руководстве большевиков, так и в Государственной думе, кто обладал таким знанием. Если в феврале-марте, сразу после свершения революции, его переписка свидетельствовала о том, что если у него еще не хватает информации о реальном положении дел в России, то план действий с самого начала не вызывает никаких сомнений: В. И. Ленин призывает немедленно начать организацию боевых вооруженных отрядов для свержения буржуазно-демократической власти, пытающейся воцариться на российских просторах после свержения монархии.

Он был не романтиком, не мечтателем, а строгим ученым, сверяющим свои планы и прогнозы с конкретными данными российской социальной ситуации. Он отнюдь не считал Россию страной победившего капитализма, а лишь видел, что в государстве было товарное хозяйство, достаточно мощная индустрия, сформировавшая рабочий класс, происходило быстрое разложение крестьянства на безземельную массу середняка, наемных работников и местную буржуазию в виде кулаков, что говорило о прогрессивной миссии капитализма в России. Из этого В. И. Ленин сделал вывод: «Прогрессивную политическую роль капитализма можно резюмировать двумя краткими выражениями: повышение производительных сил общественного труда и обобществление его» [1, с. 597].

К моменту свершения в России буржуазно-демократической революции капитализм продвинулся по этим двум направлениям весьма существенно. Однако Первая мировая война помешала ему довести дело до конца. Сознание незрелости российского капитализма, незавершенности многих из его исторических задач преследовало В. И. Ленина на всем пути свершения пролетарской революции, Гражданской войны и после ее победы. Его революционная стратегия была основана не на признании «зрелости» российского капитализма, а на учете его своеобразия.

К важнейшим выводам В. И. Ленин пришел после поражения революции 1905 г. «Своеобразие русской революции заключается именно в том, – писал он в докладе, – что она была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, а по средствам борьбы являлась пролетарской. Она была буржуазно-демократической по цели, к которой непосредственно стремилась и которую могла достигнуть непосредственно своими собственными силами» [2, с. 310]. Такой целью должна была стать демократическая республика с восьмичасовым рабочим днем, конфискацией колоссального крупного дворянского землевладения и другими мерами, которые в полном объеме осуществила Великая французская революция.

Приехав в Петроград в апреле 1917 г., В. И. Ленин понимал, что специфика революции 1905 г., окончившаяся разгромом демонстраций и наступлением реакции, воспроизвела себя в буржуазно-демократической революции 1917 г. Российский пролетариат не являлся главной силой этой революции, а лишь активизировал основную массу населения. В марте 1917 г. революционная «раскачка» проходила самопроизвольно: крестьянство, не ожидая решения Временного правительства о земле, начало захватывать помещичьи земли, а пожар крестьянских войн и неповиновение охватили всю Россию. Это немедленно подсказало В. И. Ленину, что движущими силами революции должен быть пролетариат в союзе с крестьянством при руководстве большевистской партии.

На четвертый день своего приезда В. И. Ленин появился на партийном совещании большевистской организации Петроградского комитета РСДРП, где долго и нудно обсуждался вопрос о сотрудничестве с Временным правительством, коалиционных союзах и блоках и т. д. В. И. Ленин сломал колеблющихся, резко раскритиковал маловеров, неспособных реально оценить ситуацию, и нацелил большевиков на подготовку к захвату власти собственными силами путем революционного переворота, который произвел в октябре. О нем написано так много, что добавить к деталям происходившего в ту пору сейчас уже почти невозможно.

Сегодня в русскоязычной литературе на тему Октябрьской революции получили возможность

высказаться и ее сторонники, и ее враги. Ранее на эту тему высказались многие участники. Для нас чрезвычайно важно отметить следующее: все понимали, что по своему историческому значению революция выйдет далеко за рамки российских событий и российской судьбы только в том случае, если ее руководящей силой станет пролетариат.

На заседании ЦК партии большевиков 4 октября 1917 г. В. И. Ленин отверг всякое предложение об образовании правящей коалиции с представителями левых партий, согласившись лишь на участие нескольких эсеров. Он заставил ЦК партии большевиков принять решение, согласно которому большевики стали главной руководящей силой революционного процесса, который В. И. Ленин направил по пути захвата власти. Благодаря этому большевики, как партия пролетариата, собственными силами, не деля власть ни с кем, взяли на себя историческую ответственность обеспечения роли пролетариата на начальных этапах социалистических преобразований. Октябрьский переворот стал первым этапом социалистического реструктурирования противоречивой реальности воюющей России, а большевики обеспечили ему руководящую силу.

В. И. Ленин был последователен и непреклонен. Он выполнил обещание, данное на II съезде Советов о том, что будет создано Учредительное собрание. Действительно, выборы в его состав были проведены с минимальными нарушениями законности. Однако оно было разогнано немедленно после созыва, потому что главной задачей была не парламентская, а советская республика как законодательная власть нового типа. Последовательность и непреклонность В. И. Ленина вынуждены были признать все, кто резко выступил против разгона Учредительного собрания и против других радикальных действий.

В марте 1918 г. В. И. Ленин написал работу «Девять тезисов советской власти», в которой условиями победы советской власти назвал «объединение рабочих и беднейших крестьян-полупролетариев в один общий революционный союз, выделение из них наиболее образованной и сознательной части для составления боевого отряда, способного управлять государством, уничтожение буржуазного парламентаризма как отдельного этапа законодательной работы и слияния управления с законодательством, обеспечение тесной связи управленческого аппарата с государственной властью, создание вооруженной силы рабочих и крестьян как „наименее оторванной от народа“» [3, с. 311].

Сюда же было добавлено учреждение Советов как органа народной власти, установление системы народной демократии, обеспечение наименьшей формальности выборов, легкого отзыва депутатов, ограничение всевластия депутатов, перенесение

центра тяжести в вопросах демократии с формального равенства буржуазии и пролетариата, бедных и богатых на фактическое использование принципа свободы. Советскую республику В. И. Ленин характеризовал как федерацию наций, обеспечивающую сознательное взаимодействие, взаимопроникновение и сотрудничество, которые дают возможность подняться выше национальной розни и этнических различий. Свобода и демократия не для всех, а для трудящихся, эксплуатируемых масс в интересах освобождения от эксплуатации – таков был главный демократический тезис В. И. Ленина. Так демократию до него не интерпретировал никто. И мало кто после него.

Начала демократии, заложенные в Древней Греции, гласили: «Все граждане Афин равны». Однако не все жители Афин были гражданами. Буржуазная демократия легализовала социальное неравенство. Для В. И. Ленина это было неприемлемо.

В десятках крупных произведений, в сотнях статей, выступлений перед рабочими и солдатами, на пленумах ЦК, на съездах В. И. Ленин настойчиво и неуклонно развивал эти тезисы, выверял их на конкретном ходе революционных событий, не забывая размышлять о них даже в суровые времена Гражданской войны. Обо всем этом сегодня говорится много неверного и откровенно тенденциозного. Например, В. И. Большаков пишет: «В сущности борьба между красными и белыми была борьбой между разными политическими движениями, одинаково чуждыми русской идеологии. Массы бойцов с той и другой стороны играли жертвенную роль победы своих лидеров, рвущихся к власти» [4, с. 205].

Пожалуй, можно согласиться с тем, что цели борьбы на фронтах Гражданской войны были плохо совместимы с идеалами русской идеологии (тем более что и до сих пор наши исследователи не могут определить, что же это на самом деле такое). Можно согласиться и с тем, что красный и белый террор выражали бескомпромиссность борьбы, смертельную схватку, в которой действовал принцип «око за око, зуб за зуб». Однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с тем, что борьба шла за власть лидеров. Большевики к тому времени уже держали эту власть в своих руках. Белые же фактически добивались взять ее обратно. И в этом была большая разница. Борьба велась, безусловно, за классовые интересы, о которых говорят лозунги сражающихся. Вопреки современным представлениям в рядах сражающихся в белой армии не было монархистов. Большая часть генералитета, командующего белым движением, происходила из революционно-разночинной интеллигентской среды и до революции жила не за счет наследственного богатства, а на

жалование. Лозунг их был следующий: «За единую и неделимую Россию». Это, естественно, не могло понравиться Антанте, которая ко времени разгрома Гражданской войны в России надежно отгородилась от ее ужасов кордоном из пограничных государств Румынии, Чехословакии и Польши. Лидеры Антанты мечтали только о том, чтобы белая армия свергла большевиков, а отнюдь не о том, чтобы белые пришли к власти и вновь создали сильную Россию.

Стратегия большевиков в Гражданской войне была намного более точно рассчитана социально-политически. Их лозунг: «Фабрики рабочим, земля крестьянам» имел конкретного адресата – рабочих и крестьян, которые поддерживали большевиков в их борьбе. В этом – главный секрет успеха революции. Большевики боролись не за власть, а за установление нового революционного государства для трудящихся масс. Они сумели донести этот посыл до народного сознания. Донесли они его, как известно, самыми разными методами, в том числе и силой, когда другие средства оказывались недейственными. Однако сегодня вопрос не в том, сколько и каких именно мер необходимо было для того, чтобы социалистическая революция победила в России в ходе Гражданской войны, как нужно было дозировать соотношение революционного насилия и революционного сознания. Пока эти вопросы у нас обсуждаются с повышенной эмоциональностью. Объективную истину трудно установить. В свое время английский историк Т. Карлейль писал о Великой французской революции: «Весьма несчастным является то достаточно естественное обстоятельство, что история этого периода <...> в основном излагается исторически, преобладает эмоциональный накал проклятий, оплакиваний и в целом темнота»<sup>1</sup> [5, р. 124]. Увы, весь аспект эмоций – от лютой ненависти до апологетического восхваления – пришелся и на долю Октябрьской революции.

Именно поэтому сегодня важно привлекать свидетельства современников, обращать больше внимания на конкретные документы, фиксирующие революционные шаги. Это позволит, постепенно освободившись от истерии, описать величественную революционную историю России XX в. такой, какой она была на самом деле. Уже сегодня многое достаточно ясно. Один из выдающихся деятелей западной культуры Г. Уэллс, посетивший В. И. Ленина в Кремле после революции, по итогам этого визита достаточно точно обрисовал западное отношение к революционным событиям. В нем не было сочувствия к страданиям российского народа, не было поддержки ни одной из борющихся сил, как бы они этого ни хотели. Запад беспокоила гибель цивилизации в России по той западной матрице, которую Россия копировала последнее десятилетие. Запад

<sup>1</sup>Здесь и далее перевод наш. – И. А.

боялся ее вырождения в «крестьянское варварство», которое на долгие годы закрыло бы Европе доступ ко всем богатствам русских недр – к сырью, зерну и прочим ресурсам. Г. Уэллс был уверен, что это повлечет за собой обнищание Западной Европы. Именно железный, холодный, прагматичный англо-саксонский национализм заставил его сделать вывод, столь часто цитируемый историками Октябрьской революции. Мы не удержимся, чтобы не повторить его: «Единственное правительство, способное в данный момент спасти Россию от окончательной гибели, – это теперешнее большевистское правительство, если только Америка и западные державы окажут ему помощь. Никакого другого правительства там сейчас нет и быть не может» [6, с. 113].

Нужно, однако, отметить, что и в годы преодоления послереволюционной разрухи и трагических событий Второй мировой войны, и в годы застоя западные правительства если и оказывали помощь в развитии советской экономики, то она всегда была тщательно дозирована и непременно сопровождалась жесткими политическими условиями, направленными якобы на либерализацию политического режима, а на самом деле – на ослабление устоев социалистического государства. Заметим, эти политические требования смены режима соблюдались даже еще более жестко, чем сроки выплаты процентов на выданные займы. Даже после развала СССР помощь эта была весьма ограниченной, оговаривалась условиями уничтожения советских оборонных систем, истощения военно-стратегических арсеналов и т. д. Структуры криминально-олигархического, бюрократического капитализма, которые получили жизнь на постсоветском пространстве, практически несовместимы с социально-экономическими организациями развитого капитализма, его парламентскими системами, политической и деловой культурой.

Из послевоенной разрухи Россия выходила собственными силами и средствами, и, может быть, в этом – одна из причин успеха принятых мер. Начало, как мы знаем, было положено политикой НЭПа, объявленной В. И. Лениным на X съезде РК КПБ. Контуры этой политики созрели у него задолго до победы социалистической революции. Ее он разрабатывал и в период лихолетья Гражданской войны. Еще в марте 1918 г. он писал, что умения организовать крупнейшие производства по типу трестов, как и сами тресты, и подготовить специалистов для работы в них партии и пролетариату неоткуда взять, кроме как у капиталистов. Он уже тогда видел, что главенствующей задачей после революции будет не политика, а экономика. Таковой эта задача осталась и сегодня, ибо именно экономические неудачи реального социализма в СССР, неспособность развить производственно-экономическую систему достаточной производительности лежат в основе краха СССР.

Говоря о турбулентном периоде конца Первой мировой войны, многие исследователи писали, что власть в России в то время было легче взять, чем сохранить. До сих пор некоторые высказывают удивление, что большевикам удалось Октябрьский переворот, что они сумели удержать власть в руках, построить свое государство и с опорой на него реализовать планы развития. Сегодня можно сказать, что планы осуществились потому, что процесс послереволюционного восстановления контролировал В. И. Ленин, который ясно видел ход дальнейших событий. Причем задачи были выполнены в ходе длительной и упорной работы с учетом опыта мировой истории, места в нем России, реальных возможностей страны, истощенной мировой войной и революцией.

В. И. Ленин реализовал далеко не все свои планы. Однако в момент его смерти Россия в основном уже вырвалась из болота послереволюционной разрухи, преодолела наиболее острые проблемы, угрожавшие не только существованию молодого государства, но и историческому существованию народов. Российская империя была преобразована в Союз Советских Социалистических Республик – государство принципиально нового типа, характер природы и образования которого не перестают удивлять западных исследователей.

Даже сегодня, после развала СССР, можно отметить, что в знаменитом Своде законов Евросоюза «Общее обретение» (*«Acquis Commantaire»*) объемом в 70 тыс. страниц угадываются принципы федеративного образования, которые были свойственны СССР. Главный недостаток этого многостраничного юридического фолианта – отсутствие принципов политической централизации, которые были очень четко определены в Договоре об образовании СССР. Именно это является, по нашему убеждению, одной из главных причин кризиса Евросоюза. Если не удастся добиться политической централизации, у Евросоюза нет будущего.

Важно отметить, что новое государство – СССР – в своем названии не имело национально-этнической определенности. По своей сути оно было открытым государственно-историческим образованием, к которому по тем или иным причинам могли присоединяться (и присоединялись) нации, народы, вставшие на путь социализма. Этому новому историческому образованию была предназначена трагическая судьба не из-за принципов его организации и существования, а из-за того, что социалистическая революция победила в условиях отсталой полуфеодальной страны, только начавшей осваивать принципы капиталистического хозяйствования. Российский капитализм не успел наработать материально-экономических условий для строительства общества на принципах социального равенства, справедливости и добра. Производственно-экономической системе реального

социализма компенсировать эту недоработку российского капитализма тоже не удалось.

В период Гражданской войны речь о социалистическом строительстве на территории России не шла. Все задачи сводились к военной победе над белой армией. Цель была достигнута дорогой ценой. Историки этого периода сегодня совершенно неправомерно приписывают экстраординарные форс-мажорные меры, принимаемые большевиками в ходе Гражданской войны, к особенностям социализма. Большевикам в ту эпоху социализм только предстояло строить.

Незадолго до смерти В. И. Ленин успел дать только самые общие установки на этот счет, но и они сегодня чрезвычайно интересны. Он писал: «Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе» [7, с. 305]. В этом и была суть НЭПа: от учебы у капиталистов хозяйствованию, обучению всех участников социалистического строительства в целях достижения среднеевропейского культурного уровня – до овладения наукой и техникой для создания устойчивого общества социалистического типа. Социализм должен строиться реальными силами России – рабочим классом и крестьянством. Именно поэтому В. И. Ленин яростно и неустанно требовал «смычки» пролетариата и крестьянства, бережного отношения к середняку и, самое главное, не торопил, не ускорял, не форсировал события. Такая стратегия была бы чрезвычайно актуальной и сегодня.

Исторический распад СССР не был окончанием дела социализма. Он компенсирован успехами социалистического строительства в Китае, которые, если их соотнести с предначертаниями В. И. Ленина, представляют собой реализацию форм того же НЭПа, но в исторических условиях Китайской Народной Республики. Становление общества «средней зажиточности», заявленное китайским руководством, в какой-то мере повторяет (с учетом китайской специфики) тезис В. И. Ленина о достижении среднеевропейского уровня развития.

Ленинское наследие и судьбы революции оказались в руках людей, стремившихся форсировать происходящее, решительно вмешиваться в исторические процессы как в своей стране, так и в мировом масштабе. К сожалению, многие из этих действий были мотивированы не целью защиты судеб революции и ее торжества, а личными выгодами. В большевистской партии разгоралась острая борьба за власть. Первый сигнал подал Г. Е. Зиновьев в острополюемической брошюре «Большевизм или троцкизм», где указал на начало политической борьбы в среде большевиков, подчеркнув, что опасность ее в том, что каждая из борющихся сторон прикрывается именем В. И. Ленина. Г. Е. Зиновьев резко выступил против попыток Л. Д. Троцкого

играть самостоятельную роль в партии после смерти В. И. Ленина, совершенно точно указав на цель политических нападок: если В. И. Ленин – классический тип пролетарского революционера, то Л. Д. Троцкий – классический тип интеллигентного революционера.

В итоге борьба сфокусировалась между двумя личностями – И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким. Последний боролся против И. В. Сталина как отдельной личности, а тот боролся против троцкизма, т. е. целой тенденции в партии, сохраняющей ориентацию на мировую революцию от имени всей структуры и в защиту ленинского наследия. В речи на Объединенном пленуме ЦК КПК 1 августа 1926 г. Л. Д. Троцкий объявил: «1924 год – год великого переворота. Весной этого года И. В. Сталин повторяет еще старые формулы о невозможности построения социализма в отдельной стране, тем более в отсталой. Осенью того же года И. В. Сталин порывает с Марксом и Лениным в основном вопросе пролетарской революции строить „свою теорию“ социализма в отдельной стране. Кстати сказать, нигде у И. В. Сталина эта теория в положительной форме не развернута и даже не изложена. Все обоснования сводятся к двум заведомо ложным цитатам из Ленина. Ни на одно из возражений И. В. Сталин не ответил. Теория социализма в отдельно взятой стране имеет административное, а не теоретическое обоснование» [8, с. 307].

Почти все из сказанного верно, за исключением одного: это не было государственным переворотом И. В. Сталина. Его идея о строительстве социализма в одной стране была закреплена решением XIV съезда ВКПБ и отвечала желанию и настроению как партийных масс, так и всего народа, смертельно уставшего от войны, понимавшего, что главное в том, чтобы залечить раны, нанесенные войной, – восстановить минимум благополучия, затем, возможно, обратить свои планы и взоры на мировую революцию.

Эта позиция, между тем, произвела эффект разорвавшейся бомбы в ленинской гвардии (определение это придумано не В. И. Лениным, а самими оппозиционерами). Дело не только в том, что сама идея мировой революции оказывалась как будто подорванной. Многие из тех, кто совершал Октябрьскую революцию, находились в руководящих органах ВКПБ, молодого государства и были совсем не готовы к тому, чтобы строить социализм, заниматься будничными делами – индустриализацией и строительством, созданием железных дорог, восстановлением заводов, организацией сельскохозяйственного производства и т. д. Они уже неплохо устроились в качестве мэтров-оракулов светлого будущего, заняли роскошные особняки, жены «героев революции» плодотворно работали в наркомпросах, культпросветах и пр. В особняки к ним потянулись и многочисленные родственни-

ки и прихлебатели из местечек и провинциальных городов России.

Это новое племя властителей организовало себе «закрытые распределители», ездило учиться за рубеж, «на воды», в Германию или Швейцарию. Даже само занятие мировой революцией не представлялось в этом контексте столь уж хлопотным. Получая командировочные (как об этом писал К. Б. Радек) иногда килограммами бриллиантов, конфискованных у дворянских семей, они жили в шикарных отелях культурных центров Европы, встречались, беседовали, организовывали, выступали и т. д. Иначе говоря, жизнь трибунов революции, ее «буревестников» в Европе их вполне устраивала. И тут с сибирских и других просторов на них повеяло холодом. К тому же они не ожидали от И. В. Сталина столь быстрых действий. Тот редко выступал на их собраниях и даже когда выступал, из зала слышались выкрики типа: «Перестань, Коба. Теория – не твоя сильная сторона».

Борцам за власть ленинской гвардии так и не удалось доказать партийным массам, пополнившим ряды коммунистов в годы Гражданской войны и после ее победы, что они, эти спорщики, были соратниками В. И. Ленина. Они не смогли серьезно опорочить И. В. Сталина и вырвать из его рук бразды правления. Только самым пронизательным из них стало понятно, какую жесткую, но невидимую грань между ними и собой провел И. В. Сталин своим высказыванием, прозвучавшим на похоронах В. И. Ленина: «Помните, любите, изучайте Ильича – нашего учителя, нашего вожда». Этими словами он определил для себя совершенно особое место в стране и партии: не соратника, а ученика и, следовательно, продолжателя дела В. И. Ленина.

В этом качестве он оказался признанным ВКПБ, страной и народом. И. В. Сталин был не очень ловок в полемике, которой блистал Л. Д. Троцкий. Зато простой, даже местами кондовый стиль изложения И. В. Сталина оказался доходчивым и понятным для масс. Пока оппозиционеры спорили между собой и нападали на И. В. Сталина, он обращался к массам, убеждая их, что победить весь мир в мировой революции невозможно. Это было уже тогда достаточно очевидным для многих в СССР. Кто только ни объявлял себя строителем социализма в ту пору: И. Пилсудский в Польше, Б. Кун в Венгрии, Ян Масарик, Э. Бенеш в Чехословакии и др. Тем не менее признаков реального социализма там не было. Попытки России ускорить революционный процесс в Германии, Венгрии не привели к положительному результату. Нападение на Польшу в целях, покорив ее, пройти в Германию и поднять там рабочий класс на революцию окончилось разгромом. Всем было ясно: сначала надо восстановить разрушенное хозяйство, заставить работать экономику, а потом будет видно.

И. В. Сталина услышали и партия, и народ. Он отказался от политдогм мировой революции, исхо-

дя из реального положения в стране, факта стабилизации капитализма в мире. В 1927 г. он говорил об индустриализации и коллективизации как о задаче на перспективу, в мае 1928 г. – как о неотложной задаче, а в 1929 г. уже приступил к действиям. Дорого обошлась эта спешка народу и стране. Когда изучаешь сегодня зафиксированные в документах перегибы и крайности, понимаешь, что строить социализм в одной стране или во многих странах никто из лидеров большевистской партии тогда не умел. Многие даже не понимали, что такое социализм. Однако ясно, что милитаристский социализм, который «пролетарские революционеры», по замыслу Л. Д. Троцкого, должны были строить руками рабочих и крестьян, сгоняемых в военно-трудовые коммуны, отторгался народом однозначно. Народ и так был истощен военным коммунизмом, войной. Ему нужна была передышка.

Политическое наследие И. В. Сталина неоднозначно и вызывает большие споры. Действительно, ошибок сделано немало. И цена побед чудовищно высока. До сих пор историки так и не могут понять, почему он решил прибегнуть к террору против собственной партии, народа в условиях, когда его победа была полной. То ли его пугало, что в стране осталось еще много троцкистов, то ли он был жертвой паранойи. На XVII съезде ВКПБ в 1934 г., «съезде победителей», против И. В. Сталина в ходе тайного голосования было подано несколько сотен голосов. Он, наверное, помнил запальчивую и истеричную речь Л. Д. Троцкого на ноябрьском пленуме ЦК ВКПБ в 1927 г., когда тот обещал, что, придя к власти, «расстреляет банду безмозглых, тупых бюрократов», под которыми имел в виду И. В. Сталина и его сторонников. Обращаясь к И. В. Сталину, И. Д. Троцкий воскликнул тогда: «Вы тоже хотели бы нас расстрелять, но не посмеете, а мы посмеем». Тот, как видим, посмел. Вряд ли история прояснит нам суть этого мрачного периода. Жаркие споры, ведущиеся в наше время, слишком эмоционально насыщены и слишком мало обращаются к изучению фактов того периода. И. В. Сталин жаждал власти не меньше Л. Д. Троцкого, но учел социально-экономические условия страны и сумел бороться за нее более успешно. Пока оппозиционеры занимались яростной полемикой, он старательно подводил идеологическую основу под свое всевластие.

Со смертью И. В. Сталина революционный период развития России закончился. Сейсмические потрясения, вызванные русскими революциями во всем мире, произвели такие исторические достижения, как крушение колониальной системы империализма, обретение независимости многими странами и народами, создали исторический шанс для трудящихся масс во многих странах построить свое государство. Мировой капитализм извлек из победы Октябрьской революции свои реальные выводы. Его воротилам пришлось делиться с рабочим

классом. Создав общество массового потребления в развитых капиталистических странах, они надолго укрепили иллюзию в том, что капитализм способен принести растущее благосостояние, свободу мысли, обеспечить надежное будущее. Догоняющее развитие, которое СССР пытался осуществить после смерти И. В. Сталина, поставило Россию в положение вечно отстающего, вынужденного довольствоваться теоретическими рецептами и моделями, мало согласующимися с реальной ситуацией в стране.

Время настойчиво стучалось в двери общественно-экономической системы, господствовавшей в Советском Союзе, а историческая миссия СССР как второй державы мира требовала постоянных серьезных и глубоких изменений в системе общественного производства, социальных отношений, научно-технического обновления с тем, чтобы реагировать на меняющуюся ситуацию. «Построенный в годы сталинских пятилеток социально ориентированный государственный капитализм, – пишет современный исследователь И. Я. Фроянов, – обеспечивавший оборону страны в условиях постоянной внешней опасности со стороны Запада, исчерпал свой исторический ресурс после того, как было создано ракетно-ядерное оружие, сделавшее невозможным нападение на СССР [9, с. 25].

Обеспечивая стратегический паритет, Советский Союз упрочил дело мира во всем мире, противопоставив агрессивным империалистическим силам войны экономическую мощь социалистического государства. Это было уникальное историческое достижение советского народа (современные исследователи называют дату 1974 г., когда Соединенные Штаты Америки вынуждены были заключить с СССР ряд важных договоров о противоракетной обороне как свидетельство того, что военный паритет был достигнут). Однако это великое достижение истощило страну экономически.

Выход был в том, чтобы срочно обновить производственную систему за счет внедрения научно-технических достижений, совершенствовать общественные отношения, развивать социалистическую демократию. Все это оказалось невозможным в период правления Н. С. Хрущёва, сопровождавшегося хаотичным импульсивным реформизмом. В период застоя за 18 лет правления Л. И. Брежнева люди, пришедшие к власти в СССР, думали только о том, как удержать ее. Они старели, вместе с ними старело общество. Общественная система костенела. Этот период назван застоем. Во многом такое определение оправдано. То время ознаменовалось и крупными научно-техническими достижениями, культурными успехами, но сдвинуть общество со стагнационного состояния они не смогли.

Знаменитым «Письмом к вождям Советского Союза» А. И. Солженицын попытался разбудить сознание группы, находящейся у власти, предупреж-

дая о неминуемой национальной катастрофе. Та ничего не услышала, как не смогла внять и другим подобным предупреждениям. Только с приходом к власти Ю. В. Андропова правящая верхушка как будто встрепенулась. Однако его быстрая и до сих пор загадочная смерть помешала совершить задуманное. Программа, разрабатывавшаяся Ю. В. Андроповым, реализуется сегодня в Китае. Перестройка обозначилась политическим итогом развала общественно-экономической системы реального социализма в СССР, хотя и подавалась первоначально как совершенствование социализма на собственной арене. Великое дело структурных реформ в целях роста общественной производительности и совершенствования социально-экономической системы М. С. Горбачёв подменил его имитацией – перестройкой, принципы которой так нигде полностью и не изложил.

Партийные комитеты и органы государственного управления советского государства вместо того, чтобы решать конкретные задачи экономического обновления, втянулись в яростную полемику, вынуждены были переходить к обороне, увязли в идеологических хитросплетениях, с трудом отбивались от напрасных и все более циничных обвинений в том, что они никогда не совершали. В 1988 г. XIX партийная конференция КПСС под давлением этого острого напора изъяла из Конституции СССР статью о КПСС как руководящей силе Советского Союза. СССР вступил в зону медленного, но верного распада. В числе критиков выступила хорошо организованная сила, назвавшая себя либералами и демократами, готовая, но не умевшая реализовать общественную систему капитализма свободного предпринимательства.

Анализируя перестроечные процессы в последний год существования Советского Союза, за пять дней до образования ГКЧП бывший госсекретарь США Г. Киссинджер потребовал, чтобы Америка порвала всякие отношения с М. С. Горбачёвым. «США не могут повлиять на то, чего они не могут предсказать, – писал Г. Киссинджер. – США не могут предсказать сегодня характер советской экономики в конце декады, форму правительства Советского Союза и то, где будут проходить его границы. США должны исполнить свою историческую обязанность и помогать демократизации правительств в центре и в его республиках. Но если США окажутся слишком сильно вовлеченными во внутренние советские конфликты, они могут породить действия, о которых позже пожалеют» [10].

Летом этого же года, выступая в Осло по случаю присуждения Нобелевской премии мира, М. С. Горбачёв торжественно вещал: «Мне представляется очевидным: будет успех перестройки в СССР – будет реальная возможность строить новый мировой порядок. Сорвется перестройка – исчезнет и перспектива выхода к мирному периоду в истории,

по крайней мере в обозримом будущем» [11, с. 34]. И это он говорил, когда общественная система, построенная в Советском Союзе, трещала по всем швам.

Сегодня опубликованы десятки мемуарных изданий прямых участников событий, которые не столько объясняют, сколько оправдывают свое поведение в те времена. Великолепно оформленные на мелованной бумаге книжки наполнены эгоизмом, инстинктом самосохранения, жадой власти, корыстью и себялюбием. Это обличающие документы. Однако выяснению истины не служат совсем. Наоборот.

Пожалуй, самыми интересными мемуарами в этом потоке самооправдания, лжи и искажения действительности являются мемуары посла США в СССР в этот период Дж. Мэтлока под характерным названием «Аутопсия империи». Последовательно и аккуратно, шаг за шагом он описывает, как по ходу перестройки США наращивают свое влияние, контролируют каждый политический шаг М. С. Горбачёва и его окружения, направляют деятельность агентур влияния, американских общественных деятелей, постоянно посещающих Советский Союз, многочисленных визитеров из западных стран на все более активное вмешательство в процессы перестройки, явно нацеленные на ослабление СССР. Распад великой страны был не случайностью, а хорошо задуманным проектом, организованным извне [12, р. 18–24].

Итальянский журналист и общественный деятель Дж. Кьеза писал по поводу развала СССР: «Третий Рим, или, вернее, страна, претендовавшая на этот титул, сворачивает свои знамена. Первый пал под ударами варваров, второй – под ударами Востока, который с рождения пропитывал его. Этот Рим уничтожается на наших глазах Западом. Единственное отличие от двух других состоит в том, что падение совершается тихо, необратимо и без боя. Россия со всей своей хваленой духовностью смиряется с приходом скупого царства прагматизма, успеха и материализма» [13, с. 257].

Какой будет новая дорога в будущее, трудно сказать. Однако уже сейчас ясно, что успех может быть достигнут не путем прямого копирования государственных общественно-экономических институтов развитого капитализма, а создания своей неповторимой, уникальной общественно-экономической исторической системы, воплощающей мировой опыт, но не копирующей его и не склоняющейся к некритическому восприятию команд извне.

Перестройка, конечно, имела колоссальный общественный всемирно-исторический резонанс. Она демонстрировала стремление социализма к самообновлению, освобождению от политического радикализма и крайностей реформирования общественной системы в соответствии с изменяющейся историей. Однако злой волей ее руководите-

лей, некомпетентностью бюрократии, незрелостью общественных сил был предопределен ее провал.

Общественное мнение большинства стран мира так и не смогло понять, как вчерашние коммунисты вдруг стали антикоммунистами. Граждане Запады удивлялись, видя, как высшие деятели Коммунистической партии СССР и советского правительства на голубом глазу клялись в основном на страницах западноевропейских и американских газет, на экранах мировых средств массовой информации, что задумали разрушение социалистической системы во имя западных ценностей еще раньше, находясь на пике могущества и власти. Они и сегодня не понимают, почему эти деятели, прямо повинные в военных конфликтах на постсоветском пространстве, страданиях миллионов людей, гибели десятков тысяч человек, не привлечены к ответственности.

Если итоги перестройки повергли многих в шок, то социально-политическая и экономическая ситуация во многих постсоветских государствах после развала СССР вызывает недоумение, а кое-где – даже презрение и насмешку. В России уже в первые месяцы нахождения у власти Б. Н. Ельцина обнажился буржуазно-компрадорский характер нового режима. За плутовскими формами приватизации, ваучеризации скрывался процесс безнаказанного грабежа национального богатства. Б. Н. Ельцин управлял страной в неправовом режиме, указаниями прямого действия, почти все из которых противоречили российской конституции. Собственно, поначалу-то ее и не было, ибо Конституцию РСФСР великий демократ Б. Н. Ельцин не мог признать, а новому документу еще предстояло родиться после кровавой бойни 1993 г.

Известный диссидент В. К. Буковский выразил свое потрясение от событий 1993 г. хлесткой фразой: «Демократии в этой стране не было и нет» [14].

Армия советников из-за рубежа, в основном из США, расплодившаяся на советских просторах после развала СССР, чтобы реформировать Россию по западному типу, была шокирована тем, что никто в руководстве и не помышлял о реформах. Все заботились о самообогащении, растаскивании по зарубежным банкам финансово-экономического богатства страны. Другой известный диссидент В. Е. Максимов, придя в отчаяние из-за этих событий, предупреждал, что в западном подходе к СССР антикоммунизм был тесно переплетен с русофобией. Он предрекал, что антикоммунизм угаснет, а русофобия останется. Так оно и случилось.

Суть происходящих процессов жестко охарактеризовал А. И. Солженицын в книге с соответствующим названием «Россия в обвале». Как всегда, откровенный и бескомпромиссный, А. И. Солженицын во всем обвинил новую власть: «Между Властью и Народом глубинится пропасть, а Власть не хочет увидеть и осознать, что никакие полки

и десятки тысяч охранников не поддерживают ее авторитета. Нынешняя центральная Власть слепо и равнодушно пренебрегает всеми разрушительными процессами, текущими в стране. Она живет только собой, для себя» [15, с. 54].

Он подчеркивал, что если власть живет только собой и для себя и при этом не останавливает разрушительных процессов, происходящих в стране, значит, эти процессы так или иначе работают на нее, порождены ею, выгодны ей. Новая власть сделала государство своей частной собственностью. Бюрократы спешно становились владельцами бывших государственных предприятий. Коррумпированные чиновники продавали недвижимость, недра за бесценок невесть откуда взявшимся предпринимателям и деловым лицам. Шайка проходимцев, считавших себя новыми русскими, брала у государства многомиллионные и многомиллиардные кредиты и тратила их на свои нужды. А оставшиеся средства срочно перекачивала за рубеж.

Преступный синклит, образовавшийся вокруг Б. Н. Ельцина, брал все новые и новые займы у международных организаций якобы для проведения реформ, а на самом деле – для затыкания дыр там, где самому существованию власти создавалась угроза, и, конечно, для личного обогащения. Подобного в мировой истории не было, как не было и общественно-экономической системы, обозначившейся в России и характеризующейся сегодня как криминальный олигархо-бюрократический капитализм. Эта новая система не имеет ни малейшего шанса органично внедриться в существующие глобальные процессы интеграции и взаимозависимости.

«Экономическая система, в которой отсутствуют законы распределения национального богатства и собственности, – писал американский социолог С. Козн, – а утечка за границу во много раз превышает вложения в собственную экономику; система, которая является одной из самых коррумпированных в мире, эта система именуется капитализмом. Российские граждане, получившие наибольшую выгоду от распродажи государственной собственности и расхищения общественных благ (грабители, по мнению сограждан), почитаются “благородными разбойниками”, баронами грабежа, словно они русские рокфеллеры и карнеги, заложившие основу национального достояния» [16, с. 44].

Народ, правда, разобрался в реальной сути «благородных разбойников». Понадобились кровопролития 1993 г.: расстрел российского парламента

и его разгон, Чеченская война и многое другое, чтобы удержать эту власть на плаву. Старейший, не всегда трезвый, больной Б. Н. Ельцин с самого начала плохо понимал происходящее. Чем больше окружала его тесным и порочным кругом «семья», тем больше сумерки коррупции, криминала и бедности опускались на Россию.

Чтобы выжить, вырваться из смертельных объятий порочной власти, России надо восстановить свое мировое значение и роль, ибо только так она может вернуться в историю на равных. Страна стала медленно приходить в себя лишь после добровольного ухода патриарха, грабительских реформ в 1999 г. Правда, Б. Н. Ельцин ушел, а «семья» осталась. Аппетиты ее не уменьшились. В ней появляются новые потомки, одержимые все той же алчностью и жадной обогатиться. Чтобы очиститься от них, России понадобится еще немало времени и много усилий.

Попытки страны подняться с колен в течение XXI в. натолкнулись на яростное сопротивление Запада. Хотя США и не удалось построить однополярный мир, существующий мировой порядок они хотели бы оставить неизменным, ибо это дает им возможность диктовать направление и условия всему миру. В этих целях Америка продолжает опутывать мир паутиной военного присутствия, единой финансово-биржевой структурой, управляемой из американских и английских центров, системой союзов и международных организаций, находящихся в подчинении у США. Сегодня очевидно, что ни под каким предлогом Америка не намерена допустить появления государства, способного составить ей конкуренцию на мировой арене. Основной принцип ее внешней политики – предотвратить появление в мире союзов и государств, составляющих угрозу национальным интересам США. Угрозой же для них считается ситуация, когда другие государства пытаются идти своим путем.

В XXI в. стало очевидно, что многочисленные союзы, образуемые Соединенными Штатами и под их руководством и диктатом, не могут обеспечить единой стратегии мирового развития. Ведущую роль по-прежнему играют государства с глобальным геополитическим целеполаганием. С этой точки зрения и попытки России занять подобающее место в мире, и стратегия Китая по реализации собственного пути развития составляют угрозу национальным интересам Соединенных Штатов и будут наталкиваться на их отчаянное сопротивление. Однако другого пути у них нет.

### Библиографические ссылки

1. Ленин В. И. Миссия капитализма // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1971. Т. 3.
2. Ленин В. И. Доклад о революции 1905 г. // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1973. Т. 30.
3. Ленин В. И. Девять тезисов советской власти // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1969. Т. 36.
4. Большаков В. И. Грани русской цивилизации. М., 1999.

5. *Carlyle T.* The French revolution : in III vol. Oxford ; N. Y., 1989. Vol. II.
6. Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1970.
7. Ленин В. И. О кооперации // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1970. Т. 45.
8. Троцкий Л. История русской революции : в 2 т. М., 1997. Т. 2.
9. Фроянов И. Погружение в бездну. СПб., 1998.
10. *Kissinger H.* Does America need a new foreign policy? N. Y. ; London ; Toronto ; Sydney, 2001.
11. Горбачёв М. С. Нобелевская лекция: 5 июня 1991 г. Осло. М., 1991.
12. *Matlock J. F.* Autopsy on an empire: the American Ambassador's Account of the collapse of the Soviet Union. N. Y., 1995.
13. Къеза Дж. Прощай, Россия! М., 1998.
14. Буковский В. Сейчас недостаточно просто говорить правду // Труд. 1992. 2 авг.
15. Солженицын А. Россия в обвале. М., 1998.
16. Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001.

## References

1. Lenin V. I. [Capitalism mission]. In: V. I. Lenin. [Complete works] : in 55 vol. Moscow, 1971. Vol. 3 (in Russ.).
2. Lenin V. I. [Report on revolution of 1905]. In: V. I. Lenin. [Complete works] : in 55 vol. Moscow, 1973. Vol. 30 (in Russ.).
3. Lenin V. I. [Nine tezist of the Soviet power]. In: V. I. Lenin. [Complete works] : in 55 vol. Moscow, 1969. Vol. 36 (in Russ.).
4. Bol'shakov V. I. [Sides of the Russian civilization]. Moscow, 1999 (in Russ.).
5. Carlyle T. The French revolution: in III vol. Oxford ; N. Y., 1989. Vol. II.
6. Uells G. [Russia in a haze]. Moscow, 1999 (in Russ.).
7. Lenin V. I. [About cooperation]. In: V. I. Lenin. [Complete works] : in 55 vol. Moscow, 1970. Vol. 45 (in Russ.).
8. Trotskii L. [History of the Russian revolution] : in 2 vol. Moscow, 1997. Vol. 2 (in Russ.).
9. Froyanov I. [Immersion in a chasm]. Saint Petersburg, 1998 (in Russ.).
10. Kissinger H. Does America need a new foreign policy. N. Y. ; London ; Toronto ; Sydney, 2001.
11. Gorbachev M. S. [Nobel lecture: on 5 June, 1991. Oslo]. Moscow, 1991 (in Russ.).
12. Matlock J. F. Autopsy on an empire: the American Ambassador's Account of the collapse of the Soviet Union. N. Y., 1995.
13. K'eza Dzh. [Farewell, Russia!]. Moscow, 1998 (in Russ.).
14. Bukovskii V. [Now it is insufficiently simple to tell the truth]. *Trud*. 1992. 2 August (in Russ.).
15. Solzhenitsyn A. [Russia in a collapse]. Moscow, 1998 (in Russ.).
16. Koen S. [Crusade failure. USA and tragedy of postcommunist Russia]. Moscow, 2001 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 22.05.2017.  
Received by editorial board 22.05.2017.